

УДК 82.1

ОБРАЗ ХУНХУЗА В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Е. В. Меряшкина

HONGHUZI IN THE PROSE BY FOREIGN FAR EAST WRITERS

E. V. Meryashkina

В статье рассматривается специфика репрезентации образа хунхузов в творчестве писателей Н. А. Байкова, Б. М. Юльского, И. П. Штейнберга и П. В. Шкуркина. Анализируя творческое наследие писателей, мы опираемся, в первую очередь, на произведения, известные широкому кругу читателей.

В анализируемых произведениях создан неоднозначный и многогранный образ героя с мифологическим типом восприятия действительности. П. В. Шкуркин и И. П. Штейнберг привносят в образ хунхузов рыцарские качества, главными из которых оказываются справедливость, честность, доверие к людям и романтизм.

Анализ прозаического наследия писателей дальневосточного зарубежья позволяет говорить о функционировании в нем ряда устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику (мотив похищения и освобождения пленника или пленницы, сопровождаемый привходящими вариантами мотива удачного и неудачного освобождения), которые так или иначе составляют короткую фабулу произведения. Также в статье описание мотивов рассматриваются в контексте восточных философий и символов восточной культуры в целом.

The paper considers the characterization of honghuzi in work of such writers as N. A. Baikov, B. M. Yulskiy, I. P. Shteinberg and P. V. Shkurkin. Analyzing their artistic legacy, we rely primarily on the works which are known to a wider audience.

The chosen works allow to create an ambiguous and multifaceted image of gangsters with mythological type of perception of reality. P. V. Shkurkin and I. P. Shteinberg bring some knightly qualities into the image of honghuzi, highlighting the major ones: fairness, honesty, trust and romanticism.

Analysis of the foreign Far East prose writers' heritage allows speaking about several robust motives that have oriental specifics. For example, the motive of abduction and release of the captive, accompanied by attendant invariance of successful and unsuccessful release motives, which anyhow compose the short plot of an opus. Also the motives described in the paper are interwoven with Eastern philosophies and symbols of culture in general.

Ключевые слова: хунхузы, бандиты, ориентальный мотив, мифология, Дальний Восток, художественное пространство.

Keywords: honghuzi, gangsters, oriental motif, mythology, Far East, artistic space.

В настоящее время назрела необходимость более детального изучения прозы дальневосточного зарубежья на мотивно-тематическом уровне. Особую значимость в этом смысле для нас имеют произведения Вс. Н. Иванова, Н. А. Байкова, А. П. Хейдока, П. В. Шкуркина, М. В. Щербакова, Ф. Ф. Даниленко и Б. М. Юльского.

Предметом данной статьи является функционирование темы хунхузничества в творчестве писателей Н. А. Байкова, Б. М. Юльского, П. В. Шкуркина и И. П. Штейнберга.

В произведениях писателей дальневосточного зарубежья доминирует образ тайги и ее мифологического пространства – фанзушек и кумирен, и ее мифических обитателей – горных духов. На фоне этого в прозе особым пластом выделяется тема хунхузничества, служащая этническим и историко-культурным фоном произведений. Большинство героев, как и Б. Юльский, работая в лесной полиции, борются с вооруженными бандами. О напряженности обстановки на Дальнем Востоке и Маньчжурии писал еще Арсений Несмелов: «Здесь на свист хунхуза – за версту свистом отзывается хунхуз» [4].

Известно, что хунхузничество – это особый вид бандитизма, свойственный дальневосточному региону. «Хунхузы или хун-хуцзы (т. е. краснобородые) — под этим собирательным названием, употребительным в Маньчжурии, Северном Китае и Корее, а также в Амурском крае и Приморской области, известны китайские бродяги и скитальцы, бежавшие от китай-

ского правосудия или произвола китайских властей и добывающие себе средства к существованию путем грабежей и разбоев» [7]. В большинстве случаев их деятельность усиливалась в период сезона охоты, сбора мака, женьшеня и золотоискательства.

Стоит заметить, что хунхузы являются такими же частыми героями в литературе писателей дальневосточного зарубежья, как и китайцы или русские эмигранты. Н. А. Байков приоткрывает завесу лесного быта в «маньчжурской биль-романе из жизни замурцев» «Черный капитан». Главный герой Алатаев Вадим Николаевич во время службы борется с шайками хунхузов, ведущими себя агрессивно: они стреляют, убивают, грабят поселки, богатых казаков и купцов, но за достойную плату охраняют села от других шаек.

Например, в главе «Дикая птичка» описывается шайка под предводительством Хромого Барса, наводившая ужас на все окрестные долины. У хунхузов вместе с награбленными серебряными слитками Черный капитан находит шестнадцатилетнюю пленницу – китайку Ин-Тао. В связи с этим мы можем говорить об ориентальном мотиве похищения и освобождения пленника/пленницы, сопровождаемом привходящими вариантами мотива удачного и неудачного освобождения.

Первое похищение для девушки закончилось ее удачным освобождением, а спаситель стал самым дорогим и любимым человеком всей ее жизни. Однако вторая попытка похищения станет для нее трагиче-

ской. В данном случае этот валентный мотив составляет так или иначе короткую фабулу произведения, а с точки зрения реализации мотива мы можем говорить о «реальном мотиве», трактуемом как «китайка любит русского офицера».

Интересны религиозно-философские воззрения казаков по отношению к китайцам, в частности, хунхузам. По мнению православных сотенных, у них нет души – ее заменяет пар: «А вот давеча в сотне баяли ребята, что у китайцев и совсем души-то нет, а только один пар» [1, с. 299]. Мы можем предположить, что пар (синонимичен туману) применяется в практиках медитации и символизирует гармонию в душе. В то же время китайцы и хунхузы занимались активным опекурением, и было бы очевидным отождествить дым от курений с душой китайца. Н. А. Байков проводит невольное сравнение двух национальностей с большим преимуществом русских. Для автора русский человек, живущий по канонам веры, долга и чести, никогда не поймет жителей страны Поднебесья. Для казаков хунхузы – инородная культура, считающаяся невежественной и непросветленной, потому и способная на грабежи и убийства.

Зачастую Н. А. Байков в своих произведениях сводит людей разных религиозных убеждений, сталкивая их в споре. «Маньчжурская тайга, полная опасностей, не только ежедневно подтверждает многовековые сюжеты таёжной мифологии, но и порождает новые религиозные опыты, в которых сталкиваются разные вероучительные системы и категории святости» [2].

В романе проходит тема любви русских людей к родине. Каждый казак из сотни Алатаева, заброшенный судьбой на окраину государства, мечтал оказаться дома, где их ждали жена и дети: «Здесь хорошо, что и говорить, и служба не тяжелая, а домой тянет. Надоела уже эта китайщина, то ли дело наша Расеяматушка, ни одна страна с ней не сравнится» [1, с. 301].

Мотив похищения и неудачного освобождения появляется и в рассказе Б. Юльского «Яблоня отцветает». Хунхузы похищают солдата Кудрявцева и инженера Огаси-сан. Одному удается освободиться из плена и бежать, в то время как второго убивают выстрелом в голову. Писатель показывает свое отвращение к разбойникам и их поступку через сравнения и метафоры, присутствующие в описании бандитов: «Череп хунхуза противно хрустнул, как лопнувшая яичная скорлупа, и китаец повалился, вскинув руки» [9, с. 177].

В рассказе русский и китаец не противопоставляются автором, то есть они находятся на одном культурном и духовном уровне. Кудрявцев, служащий охранником лесной полиции и участвующий в гражданской войне, характеризуется как человек высоких моральных устоев. Для него нахождение на службе является не только долгом перед государством, но и нравственным подвигом: «Знаете, есть пословица: нет цветка краше вишни; нет человека лучше воина» [8, с. 173].

Огаси-сан – инженер, помогающий строить новую линию узкоколейки, говорящий «по-русски правильно». Очевидно, что герой – японец, но для людей, не-

давно оказавшихся на Востоке, это китайцы. Японец читал в оригинале А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. Он с большим уважением и вежливостью относится к русским: «Здравствуйте, Кудрявцев-сан! Очень хорошо, что сегодня вы... Пожалуйста, зайдите. Я очень скоро буду готов...» [8, с. 171]. Известно, что сан – нейтрально-вежливый суффикс, соответствующий обращению по имени-отчеству в русском языке.

Образ жены китайца является частью душевной атмосферы их дома, а в целом это придает рассказу некоторую теплоту. Соединяющим началом между супругами-китайцами является яблоня, растущая у дома. В Китае яблоня – национальный символ мира, а яблоневый цвет – поэтическая эмблема красоты. В мифологии многих народов яблоня выступает как символ вечной молодости, долголетия и бессмертия [9]. Примечательно, что в рассказе «Яблоня отцветает» дерево-символ выполняют функцию пространственно-временных координат, соединяя небо и землю (жизни и смерть). В данном случае опадающая яблоня символизирует переход героя в иной мир, выступает предвестником смерти и окончания жизненного пути китайца.

Кудрявцев и Огаси-сан попадают в плен к хунхузам, и второй оказывается тяжело ранен. Тем не менее, мужчина уговаривает Кудрявцева бежать за помощью, хотя и понимает, что при любом раскладе тот, кто останется, будет утром убит. Моральный долг и нравственные устои русского солдата не позволяют бросить раненого и идти одному, но все же после долгих уговоров он соглашается. В данном случае автор показывает благородство и духовную наполненность обоих героев. Действующие лица рассказа являются семантическим компонентом мотива, что, несомненно, углубляет понимание последнего. В противопоставление героям хунхузы ведут себя свирепо и больше похожи на животных и варваров, чем на людей.

Агрессивность хунхузов показана и в другом рассказе Б. Юльского «Вторая смерть Шазы». Шайка бандитов под предводительством Шазы – главного героя – захватывает деревню. Автор дает подробную описательную характеристику разбойника: «Предводитель шайки – высокий, с худым узким лицом и колючим взглядом раскосых глаз – стоял, прислонившись к арбе, и поигрывал деревянной колодкой маузера» [8, с. 73]. За его голову была объявлена награда. Стоит отметить, что в его внешности присутствует несколько демоническое описание: «Глаза Шазы сузились и покошачьему замерцали», «зловещий гость», «гипнотизируя пристальным взглядом», «взглянул, как рысь смотрит на намеченную верную добычу», «остановившиеся стеклянные глаза».

Во второй части рассказа после своей смерти Шаза перевоплощается в тигра, на лбу у которого иероглиф «Ван»: «Он говорит, что тигр – это сам Шаза. У них такое поверие. Будто бы раньше съел он тигровое сердце, чтобы ничего не бояться. А теперь дух Шазы вселился в тигра. И он отплачивает за то, что его убили» [8, с. 82]. Тигр способен мстить, даже после того, как в его сердце попадает пуля. В этом казаки и видят уникальность перевоплощения человека в самого зверя.

Культ тигра, глубоко укорененный в психологии китайцев, обусловил появление образа тигра и его

широкую функциональность в тексте писателей дальневосточного зарубежья: «Обаяние и мистический ужас, внушаемый тигром народам Восточной Азии, имеют древнейшее происхождение, относящееся к самому началу истории человечества, когда царил на земле зверь» [1, с. 95].

В описании обстановки и поведении зверя угадывается несколько демоническое начало. Первое его появление мы видим на поляне с камнем, похожим на могильный монумент, освещаемым лунным светом; повизгивающий поросенок, чувствующий опасность, и кровь, едва смытая росой: «Лунным светом залита полянка, большое поваленное дерево и огромный, тяжелый, точно могильный монумент – серый камень. Это как раз то место, где Шаза в образе тигра появился перед двумя своими прежними сподвижниками. Кровь на траве уже смыта росой. Но камень в резких изломах ночных теней таит молчаливую настороженность и угрозу» [8, с. 84]. Кажется, атмосфера происходящего и есть уже предвестие чьей-то смерти. Станичники в чертах убитого зверя находят антропоморфные черты: узкое, с полузакрытыми глазами лицо, тонкие злые губы, напоминающие «нечто, прежде бывшее человеком».

Демонический образ хунхузов является сквозным в творчестве Б. Юльского, в частности, мы обнаруживаем его в рассказе «След лисицы». В большей степени его черты заявлены в образе девушки из банды разбойников. В основе рассказа лежит китайское поверье о женщине, умершей не своей смертью. Об этом говорит эпиграф, взятый автором из восточного фольклора: «Женщина, умершая нехорошей смертью, превращается в лисицу с волшебными и злыми свойствами. Она может казаться живой женщиной, может говорить на языке людей. Но человек не должен верить ей, как бы прекрасна она ни была: мертвая женщина отравит его душу и выпьет его жизнь для того, чтобы продолжить свое существование в образе оборотня-лисицы» [8, с. 110].

Известно, что в китайской мифологической системе образ лисицы связан с мотивом оборотничества. Так, например, кицунэ – демоническая лисица-оборотень (в японском фольклоре) и хули-дзин в китайском фольклоре, а также корио – разновидность кицунэ и рейхо – «преследующая лиса», лисы-оборотни кумихо, Гуй и Цзин. Обычно она принимает облик обольстительной красавицы и сводит людей с ума [3]. В рассказе, на наш взгляд, используется образ хули-дзин или демонический кумихо и, соответственно, имеет отрицательную семантику.

Девушка очаровывает Самарина («женщина с изумительной грацией», «воплощение фантастического сна», «такой красоты он не встречал нигде и никогда»), а потом губит: «Ее глаза пристально остановились на ее лице, а рот искривился насмешливой и злой улыбкой. Теперь она казалась олицетворением торжествующей мести» [8, с. 116].

Образ героини дополняется разрушительной семантикой огня, которую воплощает красный хвост лисицы. Особое внимание стоит уделить символике красного цвета. Традиционно, в китайской мифологической системе он несет любовь, но в то же время символизирует вражду, войну, месть. В данном слу-

чае уместно было бы рассматривать семантику красного во втором значении, тем более, что яркой чертой внешности разбойницы являлись глаза, которые «горели злым существом» [8, с. 78].

Стоит отметить, что в большинстве случаев в рассказах писателей-эмигрантов хунхузы несут гибельное начало. Так, разбойники уничтожают деревни, станицы, оставляя от них лишь выжженное поле. С демонической легкостью они уносят жизни людей, оказавшихся случайно в их лапах.

Девушка из банды хунхузов изображается автором неоднозначно: с одной стороны, это необыкновенно красивая, с утонченной грацией героиня, которая одурманивает Самарина ханшином, а с другой стороны, злобное воплощение мести. На наш взгляд, это связано с поверьями о девушках-оборотнях, отсюда и двойственная природа женского образа. Причем злая сущность – главная ипостась героини.

Абсолютно противоположный образ разбойников мы видим в рассказе И. П. Штейнберга «В плену у хунхузов». На границе Маньчжурии и Владивостока погонщика скота с целью выкупа похищают хунхузы, представившиеся китайскими солдатами. Когда героя приводят к старшине, то в нем он узнает своего бывшего пастуха Ваську. За прежние хорошие отношения («я знаю, ты хороший был ко всем китайцам», «ты мне братка») героя возвращают назад: «Радости моей не было конца. Я целовал его, обещал все, что он накажет исполнить» [6, с. 224]. Таким образом, в рассказе снова возникает мотив похищения, сопровождаемый вариантом удачного освобождения.

Из рассказа старшины выясняется, как герой стал хунхузом. Причисление себя к разбойникам вызвано, в первую очередь, возможностью хорошего заработка. Однако, в отличие от остальных банд, эта не занимается грабежами и разбоями: «Напрасно вы все так думаете о хунхузах. Это грабят и убивают мелкие партии бандитов, которых мы часто сами ловим и расправляемся с ними, а на нас слава. Мы организованы, никого не грабим, не убиваем, а наоборот, еще помогаем бедным деревням» [6, с. 225].

Следует отметить, что герой собирается бросить хунхузничество и поступить на государственную службу в китайское правительство. Такое изображение разбойников несколько необычно для эмигрантской литературы, так как разрушается привычный и традиционный образ бандитов. В конце рассказа мы узнаем, что Василий действительно стал комендантом станции Имяньпо, а позднее дослужился до генерала.

Примечательно, что в тексте нет намеков на агрессию и разрушение. Приветливые хунхузы достаточно хорошо и по-человечески обращаются с пленником, и в их образах нет демонического начала. В целом все этнографические рассказы писателя пропитаны атмосферой некоего добра и света.

Мотив похищения мы находим и у П. В. Шкуркина в этнографических рассказах о хунхузах. В рассказе «Отплата» шайка бандитов под предводительством Ли да-га-да похищает сына самого богатого в поселке казака Бухрастова. В обмен на жизнь мальчика они требуют денежный выкуп, но, не сдержав слово, в конечном итоге убивают ребенка: «Страшное зрелище ожидало их. Перед фанзой к стволу дерева

был привязан труп Мити, зверски убитого...» [5, с. 490]. Интересно восприятие данного события старшиной хунхузских общин Чжан Лао-эр (т. е. «рябым Чжаном»), имя которого внушало уважение и страх: он выгнал Ли да-га-да за недостойное хунхуза поведение: «Ли да-га-да! Ты недостойн звания «независимого храбреца» (так себя называют хунхузы). Убирайся со своими людьми вон из этих гор и навсегда!» [5, с. 490]. Данная ситуация наводит на мысль, что есть кодекс, чтимый хунхузами, который должен неукоснительно выполняться, в частности, принцип держать свое слово. В данном случае мотив похищения заканчивается фабульным вариантом неудачного освобождения.

Стоит отметить, что П. В. Шкуркин вносит огромный вклад в понимание исконного образа хунхузов. Он создает совершенно разносторонний и несколько новый образ бандитов. Во вступлении к этнографическим рассказам он описывает историю появления разбойников и показывает, в чем на самом деле состояло их предназначение. Писатель изображает «данное социальное явление» с иной стороны, чем мы привыкли видеть. По его мнению, все-таки главными их чертами являются не мстительность и жестокость, а доброта и мудрое отношение к людям: «Здесь он (читатель) увидит жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства и т. д., но он увидит также верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине. Одного он только, вероятно, не увидит – подлости и предательства» [5, с. 483].

Интересно, что все рассказы «списаны с действительности с фотографической точностью», но лишь с некоторым изменением имен, поэтому имеют право называться достоверными и этнографическими. «Он создал многогранный образ хунхузов, где нашлось место и скрупулезной этнографии, и вдохновенной мифологии» [2].

В рассказе «Как я сделался хунхузом» вслед за И. П. Штейнбергом П. В. Шкуркин рассказывает историю командира китайского полка, который в прошлом был хунхузом: «История его представляет один из типичных примеров того, как китайцы делаются хунхузами, как живут и промышленляют хунхузские шайки» [5, с. 504].

Интересно, что разбойники живут мифологическими поверьями и образами, опираясь на формы архаического осмысления действительности, коллективные представления об определенных ритуалах. Так, например, между хунхузами («независимыми храбрецами») есть поверье, что если беспричинно лишить жизни кого-либо, то ты и сам умрешь. Уже оступившись однажды, герои свято соблюдают свое обещание и даже в плен никого не захватывают. Можно предположить, что с позиции буддизма – это закон кармы, идущий рука об руку с законом космического возмездия, который вытекает из предшествующих причин и последующих действий.

Еще одним важным обрядовым ритуалом является поклонение богу войны Гуань-ди. Это единственное «народное божество», которое все хунхузы признают и всегда чтят, зажигая ему курительные свечки в своих кумирнях.

Стоит отметить тот факт, что китайское правительство довольно часто приглашает такие шайки на государственную службу, чтобы легализовать промысел: «Они смотрят на нас не как на нарушителей закона, а как на удалцов, дорожащих своей свободой и не желающих подчиняться властям» [5, с. 511].

В рассказе «В гостях у хунхузов» П. В. Шкуркин впервые делает акцент на внешней характеристике предводителя шайки бандитов. Ранее никогда у писателей дальневосточного зарубежья не делался упор на доброту разбойников, тем более на душевные качества и невероятную красоту глаз: «Но когда он поднял голову и я увидел его глаза – я понял, что вижу перед собой не совсем обычный тип. Глаза его были замечательные: они пронизывали собеседника. Временами они загорались, как у юноши, и выдавали чрезвычайную горячность характера...» [5, с. 512].

Стоит отметить, что П. В. Шкуркин в своих рассказах дает много интересных фактов из быта хунхузов. Так, например, земляной лагерь («ди инь-цзы») считается базой зимовья хунхузов в глухой тайге. Заранее туда свозился запас топлива, провианта, оружия, поэтому это место считалось тайным опорным пунктом бандитов. Оно было подобно тюрьме, особенно в снежные периоды, когда база была оторвана от какой-либо связи с внешним миром.

Интересны также отношения между некоторыми главарями шаяк, считавшими друг друга «братками» (братьями). Обычно между разными бандами существуют отношения конкуренции, но есть и редкие исключения. Так, например, в рассказе «Как я сделался хунхузом» показан случай, когда бывший атаман шайки дарит другому атаману двухэтажный дом: «Возьми! Быть может нам еще придется искать крышу для отдыха... Мы – братья: ты всегда найдешь пристанище у меня; а я – я хочу быть уверенным, что найду угол у тебя» [5, с. 510].

Однако невыполнение данного обещания у хунхузов, как правило, считается тягчайшим преступлением и карается смертью. Так, есть незыблемое правило, за которое разбойников безоговорочно вешают – если кто-нибудь укажет кому-либо дорогу в их становище. Единственное спасение – взять предавшего к себе в рабы, как и происходит в рассказе «Как я сделался хунхузом».

В своих рассказах автор подробно расписывает структуру соподчинения шаяк «независимых храбрецов», а также знакомит читателя с их особым языком, который является настоящим кладом для нас. П. В. Шкуркин сравнивает хунхузничество с рыцарским орденом и считает, что они «являются совершеннейшим братством, преисполненным в своих действиях идеалами полной любви, милосердия и истинного рыцарства» [5, с. 523].

В целом же рассказы писателя привносят некое новое более многогранное видение хунхузов и их обществ. П. В. Шкуркин показал, что наше привычное представление о разбойниках расходится с реальными поведением тех, кто называет себя хунхузами. В рассказах отсутствует атмосфера агрессии и разрушительных стихий, но актуализируются идеи справедливости, жалости и доброты. Этнографические рассказы

полны фактов и случаев, которые заставляют нас по-другому взглянуть на «независимых хребцов».

Однако автор немного противоречит себе: в предисловии к сборнику заявлена этнографическая точность и правдивость текстов, но П. В. Шкуркин все же уходит от этого в рассказе «Маньчжурский князек». В нем он вкладывает особый сакральный и несколько сказочный смысл в понимание хунхузничества. Например, герой рождается и воспитывается в необычайно красивой природной зоне с фантастическими ландшафтами. В экспозиции рассказа много поэтических, колоритных и таинственных описаний, представляющих волшебство таежной «неведомой, чудной, сказочной, но и страшной страны Маньчжурии» [5, с. 528]: озеро, в котором живет князь-дракон, в громе и молнии взлетающий на небо; тигр с иероглифом «вань» на лбу; в лесах растет и таинственная и волшебная трава орхой-да и жень-шэнь; много золота и жемчужины, размером с палец. Все это охраняют духи и оборотни. Мифологическое мышление древних людей, характеризующееся образностью чувственно-воображаемого постижения действительности, становится определенным способом миропонимания в первобытной культуре. Специфика мировосприятия определяла не только мышление, но и поведение таежных людей – охотников, рыболовов, приискателей, женьшеньщиков и хунхузов. «Таёжная мифология» как составная часть «фронтирной мифологии» вобрала в себя и даосский, и буддийский, и христианский, и шаманистский компоненты» [2].

В рассказе П. В. Шкуркин несколько превозносит героя Хань Дэнь-дзюя. Автор как будто придумывает мифическую историю о разбойнике княжеского происхождения. Например, несколько утопически и идиллически описывает П. В. Шкуркин жизнь в общине с приходом героя на пост старейшины: «Все эти меры, да и многие другие, более мелкие, послужили к тому, что благосостояние приисковой общины, а также и число обитателей ее, увеличилось во много раз. Власть Хань Бэнь-вэйя признавалась бесспорно от самой корейской границы и чуть не до Гуань-гайя» [5, с. 533]. Хунхуз становится неким властителем тайги и ее обитателей.

Литература

1. Байков Н. А. Великий Ван // Великий Ван: Повесть; Черный капитан. Роман. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. 528 с.
2. Забияко А. А., Дябкин И. А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 9. С. 170 – 182. Режим доступа: [http://sociosfera.com/publication/conference/2011/111/obraz_razbojnika_v_kontekste-frontirnoj_mifologii_dalnevostochnoj_emigracii](http://sociosfera.com/publication/conference/2011/111/obraz_razbojnika_v_kontekste_frontirnoj_mifologii_dalnevostochnoj_emigracii)
3. Кицунэ – японские лисицы-оборотни. Режим доступа: <http://www.fanbio.ru/mif/1096-2011-03-15-03-52-54.html>
4. Литературное наследие: онлайн-библиотека. Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/3911?p=27>
5. Шкуркин П. В. Несколько слов. Хунхузы. Этнографические рассказы // Литература русских эмигрантов в Китае / сост. Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 3: Соната над Хинганом.
6. Штейнберг И. П. В плену у хунхузов // Литература русских эмигрантов в Китае / сост. Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 7: Волга, текущая в сердце.
7. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/111290/Хунхузы
8. Юльский Б. М. Зеленый Легион: повесть и рассказы / сост. и ком. А. Колесова; сост. и вступит. ст. А. Лобычева (Серия: Восточная ветвь). Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 560 с.
9. Яблоня. Режим доступа: <http://myfholgy.info/planta/yablonya.html>

Писатель параллельно проводит три сюжетные линии – таежную жизнь, жизнь хунхузской общины и историю японской войны. Наиболее подробно П. В. Шкуркин описывает первые две линии. Автор несколько мифологизирует историческую тему, перекладывая на «маньчжурского князика» – Хань Бэнь-вэя – роль героического разбойника и героя-воина и утверждая, что войну выиграл именно он.

В рассказе подробно излагается жизнь предводителя шайки хунхузов от момента рождения до японской войны. Такое же пристальное внимание уделяет писатель «реформам» внутри общины после его прихода к власти.

Безусловно, большой вклад в формирование образа хунхузов внесли И. П. Штейнберг и П. В. Шкуркин. Их заслуга в том, что они смогли разрушить привычный стереотип и показать иной образ разбойников – людей, полных справедливости, добра и романтизма. Это сформировало у авторов особый взгляд на людей, китайцев и разбойников, а также нашло воплощение в специфике истолкования образа хунхуза.

Анализ творческого наследия писателей дальневосточного зарубежья позволяет говорить о функционировании в произведениях ряда устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику. Так, мотив похищения и освобождения пленника или пленницы, сопровождаемые вариантами удачного и неудачного освобождения, которые так или иначе составляют короткую фабулу произведения. Эти мотивы рассматриваются в контексте философий и принципами даосизма, буддизма и шаманизма, а также в контексте символики восточной культуры в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ хунхузов органично вписывается в художественное пространство прозы дальневосточного зарубежья и является доминирующим в текстах писателей, пытающихся познать чужую культуру. Несомненно, выбранная тема привносит особый ориентальный и экзотический колорит в тексты. Проведенный нами анализ текстов свидетельствует о том, что в произведениях представлен неоднозначный, многогранный образ бандитов с формами архаического осмысления действительности.

Информация об авторе:

Меряшкина Екатерина Владимировна – аспирант кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре), rina_evm@mail.ru.

Ekaterina V. Meryashkina – post-graduate student at the Department of Russian language and Literature, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur.

(Научный руководитель: Бузуев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, buz07@list.ru.

Research advisor: Oleg A. Buzuev – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur).

Статья поступила в редколлегию 14.09.2014 г.